

Ую-тэй, второй этаж.

Путешественник и Камисато Аяка только подошли к дверям отдельного кабинета, как обнаружили, что Тома и Аято уже давно на месте. Лицо Тома пылало таким ярким румянцем, что Путешественник невольно задумался: неужели в Инадзуме так рано наступило лето? Хотя его терзали смутные сомнения, спрашивать вслух он не стал.

— Брат, Тома! — Аяка жестом пригласила Путешественника сесть напротив них. Она была удивлена, что брат выбрал для ужина Ую-тэй, а не привычный чайный домик Коморэ, но всё же с радостью согласилась. Брат вечно занят, и даже ей, старшей дочери клана Камисато, удавалось видеться с ним не так часто.

— Вы пришли, — Аято с улыбкой смотрел на сестру и Путешественника.

Тома же сегодня вел себя крайне странно: опустив голову, он казался каким-то поникшим. Путешественник задумчиво наблюдал за ним. Теперь, когда все в сборе, Тома, как прилежный управляющий, должен был разлить чай. Он поднялся, но на лице его не было привычной живости.

— Я... — начал было он.

Но не успел он договорить, как Аято перехватил инициативу:

— Тома сегодня неважно себя чувствует, давай я сам.

Приняв у него чайник, Аято мягко улыбнулся. Тома молча сел на место. Путешественник и Аяка с беспокойством переглянулись.

— Тома, ты в порядке? — участливо спросила Аяка.

Тома бросил на Аято быстрый, полный невысказанных слов взгляд и через силу ответил:

— Госпожа, со мной всё хорошо.

— Тома, если тебе нездоровится, не стоит себя пересиливать, — добавил Путешественник.

Паймон, до этого молчавшая, поддакнула:

— Точно-точно! Если плохо — отдыхай, здоровье ведь важнее всего!

Под доброжелательными взглядами друзей Тома смутился. Неужели он действительно должен

сказать то, что велел господин? Но если он произнесет это, будут ли госпожа и Путешественник смотреть на него так же, как прежде? Тома не знал ответа, но если такова воля главы клана, он обязан её исполнить.

Еду уже подали. Они ели и беседовали, но Тома хранил молчание, то и дело поглядывая на Аято. Заметив эти взгляды, Аято лишь шире улыбнулся и время от времени подкладывал Томе лучшие кусочки, не подавая других знаков.

— Тома ведь тоже из Мондштадта, верно? — Путешественник внезапно вспомнил об этом и решил завести разговор на знакомую тему, чтобы хоть немного разговорить подавленного друга.

Но не успел Тома ответить, как Аято небрежно отложил палочки и внезапно спросил:

— Аяка, то большое дело, которое вы с Томой и Путешественником провернули в прошлый раз, было весьма впечатляющим. Вы буквально изменили ход событий в Инадзуме.

Аяка замерла, не ожидая, что брат заведет речь об этом. Она понимала, что проявила неосторожность: Тома — человек брата, и она, заставив его скрывать правду, невольно доставила Аято неприятности.

— Та история... это целиком моя вина. Тома — управляющий брата, он должен был следовать его приказам. Это я просила его, и только поэтому он оказался втянут.

Аято улыбнулся:

— Хорошо, что ты помнишь об этом, сестра. В следующий раз, если возникнет подобная ситуация, просто скажи мне. Ты даже не представляешь, как я волновался, когда узнал об этом постфактум. Больше так не делай.

Аяка кивнула:

— Разумеется.

— Так, может, Тома хочет съездить в Мондштадт, навестить родные края?

Этот неожиданный вопрос застал Тому врасплох. В комнате остались только они двое. Похоже, Аято запомнил даже ту случайную шутку Путешественника.

— Где господин, там и место Томы.

Казалось, этот ответ пришелся Аято по душе: родинка в уголке его губ стала выразительнее, когда он нежно приподнял лицо Тома. Аято знал: с щенком нужно быть и добрым, и строгим — если загнать его в угол, ничего хорошего не выйдет. Он до сих пор помнил слова отца перед смертью:

— Аято, помни: что бы ни случилось с кланом Камисато, ты останешься нашим старшим сыном, братом Аяки и законным наследником.

Аято осознавал, в каком тяжелом положении находится комиссия Ясиро. На его плечах — сестра и ответственность за весь клан. Тома, пришелец из чужих земель, был ему другом и верным помощником, но если клан Камисато падет, не сменит ли он свои планы? В глазах Аято блеснул холодный огонек. Он всегда найдет способ удержать Тому возле себя.

Сестра чиста и добра, пусть все тени останутся на нем. А единственный, кто знает об этой тьме — Тома. Аято не хотел терять того, кто шел с ним рука об руку сквозь мрак. Запереть его тело, постепенно подчинить его сердце, расставить границы — всё это было лишь попыткой скрыть собственный страх перед одиночеством.

С этой мыслью Аято подался вперед и коснулся его губ.

Тысячи невидимых нитей сплелись в плотную сеть, готовую навсегда удержать Тому в плену, чтобы они могли погрузиться в эту бездну вместе.

<http://bllate.org/book/21480/2198135>